

РАСПОСЛЕДНЯЯ МАРТЫШКА

Вообще-то меня зовут Манолито Гарсия Морено, но попробуй загляни в наш квартал и спроси первого попавшегося чувака:

— Не скажете, где тут живет Манолито Гарсия Морено?

Одно из двух: чел или пожмет плечами, или выдаст что-нибудь вроде:

— А я почем знаю!

Потому что под именем Манолито Гарсия Морено меня не узнает даже мой лучший друг Ушан Лопес. Конечно, от него только и жди какой-нибудь подставы, или свинства, или самой что ни на есть свинской подставы, да еще и с большой буквы, но все равно он мой лучший друг и самый клевый чувак.

У нас в Карабанчеле (это мой квартал, если я тебе еще не говорил) меня все знают как Манолито Очкарика. В смысле, все, кто вообще меня знает. Те, кто со мной не знаком, не знают даже про то, что я с пяти лет хожу в очках. Ну и фиг с ними, сами не знают, что теряют.

Манолито меня назвали в честь папиного грузовика, а грузовик назвали Манолито в честь папы, потому что моего папу зовут Маноло. А папу назвали Маноло в честь его папы, ну и так далее, до самых доисторических времен. Короче, первого динозавра-велоцираптора звали Маноло. Это я на случай, если Стивен Спилберг не в курсе. И так до последнего Манолито Гарсия, а это и есть я, распоследняя мартышка. Это меня мама так называет. В особо торжественных случаях. Только ты не подумай, что она изучает, как человек произошел от обезьяны. Обычно она так говорит, когда вот-вот засветит мне оплеуху или подзатыльник. Меня жутко напрягает, когда она зовет меня мартышкой, а ее напрягает, что меня все во дворе зовут Очкариком. Короче, хоть мы и одна семья, напрягают нас совсем разные вещи.

Мне вот, например, нравится, что меня зовут Очкариком. У нас в школе имени Диего Веласкеса у всех, кто покруче, обязательно есть какое-нибудь прозвище. Пока у меня не было прозвища, меня вечно все доставали. Как привяжется на переменке какая-нибудь наглая рожа, так обязательно начнет

обзывать или четырехглазым, или очкариком. Зато с тех пор как я Манолито Очкарик, обзывать меня — пустая трата времени. Вообще-то меня можно было бы еще дразнить головастиком, но пока никто не допер, а уж я подсказывать не собираюсь, фигурки! Такая же история с моим другом Ушаном. Как только у него завелось прозвище, все сразу перестали цепляться к его ушам.

Как-то раз мы с Ушаном поцапались по дороге из школы, потому что он сказал, что лучше уж такие уши, как у него, чем очки, как у китайского летчика, а я сказал, что лучше уж очки, как у китайского летчика, чем уши, как жопа у японской макаки. Он как услышал про жопу, сразу полез драться, а чего обижаться на правду? Когда бывает холодно, уши у него становятся такого же цвета,

как задницы у обезьян в зоопарке. Это медицинский факт, тут уж ничего не попишешь. Ушанова мама говорит, чтобы он не переживал: когда подрастет, уши сами усохнут, а если не усохнут, хирург подрежет, и все дела.

Мама у Ушана суперская. Она в разводе, и у нее от этого комплекс вины, так что она Ушана даже не шлепает никогда. Бойтся увеличить травму, от которой его лечит сеньорита Эсперанса, наш школьный психолог. Конечно, моя мама тоже не хочет, чтобы у меня были травмы, только она не в разводе, так что нет-нет да и влепит мне свой фирменный подзатыльник.

Подзатыльник — это такая затрещина, которая тебе достается от мамы или любого другого уполномоченного лица и приходится в область человеческого организма, называемую затылком. Не то чтобы я хвастался, но мама у меня в этом деле спец, каких мало. А вот дед мой вообще против всяких подзатыльников, он и маме всегда говорит: «Доча, хочешь шлепнуть парнишку, так метила бы ниже. А по голове не бей, ему учиться надо».

Дедушка у меня классный, прямо-таки супер-классный, самый суперский на свете. Три года назад он перебрался из деревни к нам в город. Мама тогда застеклила лоджию и поставила диван-кровать, чтобы мы с дедом там спали. Я каждый вечер раскладываю дедушкин диван. Возиться с диваном — жуткая морока, но я не жалуясь, потому что дед каждый раз дает мне за это монетку для свиньи. Свинья у меня, конечно, не настоящая, а копилка, так что скоро я жутко разбогатею.

Иногда дед называет меня наследным принцем, потому что когда-нибудь мне достанется все, что он откладывает с пенсии. Мама не любит, когда мы с ним говорим о смерти, а дед всегда отвечает, что жить ему осталось пять лет, так что пока не помрет, будет говорить, о чем вздумается.

Дедушка любит повторять, что хочет умереть до 2000 года, охота была смотреть, что там еще наворотят в новом веке, на его век и одного века хватит. Он уже давно решил умереть в 1999 году и обязательно от простатита, потому что какой смысл столько лет маяться от этой дряни, а потом взять да и помереть от чего-нибудь другого.

Я ему сказал, что лучше пусть он наследство оставит, а сам не умирает, потому что спать в одной комнате с дедом Николасом — это просто супер. Мы каждый вечер засыпаем под радио, а только мама попробует его выключить, как мы тут же — раз! — и просыпаемся. Такие уж мы с дедом. А если дедушка умрет, мне придется спать в одной комнате с Придурком, и это будет уже совсем некруто.

Придурок — это мой младший брат. Больше ни братьев, ни сестер у меня нет. Маме ужасно не нравится, что я зову его Придурком. А что, прозвище как прозвище, на нее не угодишь. И потом, я ведь не нарочно, это у меня случайно вырвалось, не то чтобы я полдня сидел и скрипел мозгами, что бы такое выдать.

Это получилось прямо сразу, как он родился. Дедушка привел меня в роддом. Мне было пять лет, это я точно помню, потому что тогда мне только-только купили мои первые очки, а наша соседка тетя Луиса все время причитала: «Бедняжка, всего-то пять годочков».

Так вот, подхожу я к кровати и протягиваю руку, чтобы разлепить этому типу веки. Это мне Ушан сказал, что если у моего братишки окажутся красные глаза, значит, в него вселился дьявол. Короче, ничего я ему такого не сделал, а чувак ка-ак разревется, и рев-то у него сразу видно, что деланный. Тут все на меня набросились, как будто это в меня вселился дьявол, а я тогда в первый раз и подумал: «Вот придурок!» Так это у меня в голове и засело. Пусть теперь кто-нибудь попробует сказать, что я обзываюсь. Сам виноват, не успел родиться, а от него уже одни напряги. Самое подходящее для него прозвище.

Вот мне, например, подходит прозвище «Манолито — новый Хоселито». Это меня дедушка так зовет. Он меня научил своей любимой песенке, называется «Звонарка». Песенка такая

старая-престарая, что, когда ее пели, у бабушки в доме еще не было унитаза, а телевизор был без звука. Перед сном мы с дедом иногда играем в Хоселито. Это такой мальчик, который жил сто лет назад и пел песню про тетеньку, которая звонила в колокола. Я тоже пою песню, а потом изображаю, как будто летаю, ну и еще что-нибудь в этом роде, а то, как только допоешь песню, играть в Хоселито — жуткая тягомотина. Да еще у деда слезы на глаза наворачиваются, оттого что песня такая старая-престарая, а мальчик, который жил сто лет назад, вырос и попал в тюрьму. Мне неловко, что бабушка такой старенький, а плачет по мальчику, который жил сто лет назад.

Короче говоря, если ты явишься к нам в Карбанчель и спросишь, где тут живет Манолито Новый Хоселито, тебе тоже никто ничего не скажет, разве что посоветуют заглянуть в нашу местную тюрьму. Некоторых хлебом не корми, дай поприкалываться.

Никто тебе не объяснит, как найти Мануэля, ни Маноло, ни Манолито Гарсия Морено, ни Нового Хоселито, зато кто угодно расскажет и покажет,

где живет Манолито, больше известный по эту сторону реки Мансанарес под именем Манолито Очкарик, а в родном доме — как «распоследняя мартышка». «А ты, мартышка, помолчи, тебя никто не спрашивает».

ЗАСТЕЖКА ДЛЯ МАНОЛИТО

Начался сентябрь, и мама отправила нас с дедом за новой застежкой для моей куртки. Старую мне в том году откусил Ушан Лопес, когда я не захотел делиться бутербродом. Лопес сломал зуб, а я остался без застежки. Мама его потом долго утешала, а мне моя засветила свой фирменный подзатыльник замедленного действия, от которого еще с полчаса все гудит. В тот день я узнал страшную тайну: в сто раз лучше самому что-нибудь такое сломать или свихнуть, чем порвать куртку или, к примеру, штаны. Тогда из любой мамы веревки можно будет вить.

Насчет одежды вообще все мамы жутко переживают. Зато всякими синяками хвастаются так, что только держись:

— А мой сын вчера ногу сломал.

— А мой голову разбил. Что, съела?

Мама вообще страшно не любят, когда другие мамы успевают их обскакать. Так что, не успел начаться сентябрь, моя мама сказала:

— Надо мне починить тебе куртку к школе, а то начнется октябрь, а у тебя застежка не пришита.

В этой куртке я проходил весь прошлый год, буду ходить весь этот и весь следующий. И еще год, и еще два. Мама говорит, дети ужасно быстро растут, так что куртки им надо покупать с прицелом на будущее. Другие дети, может, и растут, только не я. Короче, похоже, я так и состарюсь в этой куртке, а потом в ней и умру. Терпеть не могу эту куртку. Всю жизнь ненавидеть одну и ту же куртку! Это же с тоски удавишься.

Этим летом мама выклянчила для меня у доктора рецепт на витамины. Наверно, стало стыдно перед соседями, что куртка на мне как висела, так и висит. В общем, теперь она кормит меня витаминами, чтобы мы с курткой раз и навсегда сделались одного размера. Честно говоря, мне даже иногда кажется, что она больше любит куртку, чем меня, а я ей все-таки родной сын. По дороге за застежкой я спросил дедушку, что он про это думает, а дедушка сказал, что все мамы неровно дышат ко всяким там курткам и пальто, а еще к шапкам и перчаткам,

но своих детей они все-таки тоже очень любят, потому что в материнском сердце полным-полно любви.

У нас в Карабанчеле чего только нет: и тюрьма, и автобусы, и дети, и арестанты, и мамы, и наркоманы, и булочные. А вот застежек для куртки у нас днем с огнем не сыщешь, так что мы с дедом Николасом сели на метро и поехали в центр.

В метро нам с дедом всегда везет. Даже когда вагон битком набит, нас все жалеют и быстренько уступают место. Дедушку всем жалко, потому что он старенький и у него простатит. Конечно, простату так сразу не видно, зато сразу видно, какой он старенький. А меня, может, жалеют из-за очков, кто его знает.

Когда нам уступают место, приходится изо всех сил делать вид, что мы оба такие бедные-разнесчастные. Потому что, если тебе уступят место, а ты, к примеру, плюхнешься и тут же начнешь ржать как лошадь, людей это напрягает. Так что мы с дедом всегда заходим в вагон с таким видом, как будто еле ноги таскаем. Действует безотказно!

Сам попробуй, если хочешь, только не болтай направо и налево, а то весь город узнает, и придется нам обломиться.

Мама послала нас в «Понтехос», это такой магазин на площади Пуэрта-дель-Соль, туда все на свете мамы ходят за пуговицами, молниями, иглами и застежками для курток.

Мы целый час проторчали у прилавка, потому что дедушка всех тетенок пропускал вперед.

Он вообще очень любит пропускать вперед всяких тетенок, на случай если какая-нибудь из них никуда не торопится и захочет выпить с ним кофе. До сих пор они все почему-то куда-то торопились, но дедушка говорит, что сдаваться не собирается.

Когда мы так простояли целый час и дедушка уже успел поболтать со всеми тетеньками в магазине, я устал стоять и улегся животом на прилавок. Тут продавец сказал, что обязательно хочет поскорее нас обслужить. Испугался, наверно, что я залезу на прилавок с ногами. А когда застежка оказалась у нас в кармане, дедушка объявил:

— Ну что, Манолито, дело сделано. А теперь пойдем-ка прошвырнемся по Гран-Виа. Надо же людей посмотреть и себя показать.

А я ему:

— Вот здорово, дедушка, миленький! Пойдем скорее!

То есть «дедушка, миленький» я, конечно, говорить не стал. Если я ему вдруг такое выдам, дед меня в срочном порядке отправит в психушку, лечить электрошоком.

И мы пошли гулять по Гран-Виа. А там самая настоящая демонстрация! У нас в квартале тоже иногда бывают демонстрации, только они не такие клевые, как в центре. Дедушка сказал:

— Давай тоже тут потолкаемся, для массовки.

Похоже, все на демонстрации были очень даже за, потому что никто и не подумал нас гнать. Дедушка попросил какого-то дядьку посадить меня на плечи, чтобы мне было лучше видно, кто там толкает речь. Пока сидел у дядьки на плечах, я заметил, что у него полным-полно перхоти. Ну, я его немножко почистил и заодно посоветовал купить шампунь, который рекламируют по телику. От него и перхоти как не бывало, и девчонки на тебя вешаются почему зря. Дядька вроде как обиделся, опустил меня на тротуар и говорит:

— Елки-палки, а внучек-то не пушинка!

Ну вот, из-за какого-то уродского дядьки чуть не заработал себе комплекс жиртреста. У меня и так то и дело вылезают всякие комплексы. То коротышки, то жиртреста, то очкарика, то растяпы... Все, хватит, а то сколько можно самого себя поливать. От комплекса жиртреста я здорово намучился